

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ИММАНУИЛ
КАНТ

МЕТАФИЗИКА НРАВОВ

«ТЫ ДОЛЖЕН, ЗНАЧИТ,
ТЫ МОЖЕШЬ»

Классика философской мысли

Иммануил Кант

**Метафизика нравов. «Ты
должен, значит, ты можешь»**

«Алисторус»

УДК 13
ББК 87

Кант И.

Метафизика нравов. «Ты должен, значит, ты можешь» /
И. Кант — «Алисторус», — (Классика философской мысли)

ISBN 978-5-907149-18-2

Иммануил Кант (1724 – 1804) оказал огромное влияние на развитие классической философии в мире. В своих трудах он затронул самые важные вопросы мироздания и человеческого общества, ввел многие основополагающие понятия, в том числе «категорический императив». По мнению Канта, категорический императив – это главные правила, которыми должны руководствоваться как отдельные личности, так и общество в целом, и никакие внешние воздействия, так называемые «объективные причины» не должны мешать выполнению этих правил. В книге приводятся работы Канта о нравственности, истоках добра и зла в душе человека, а также об императивных законах, нарушение которых ведет к деградации личности. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-907149-18-2

© Кант И.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иммануил Кант
Метафизика нравов. «Ты
должен, значит, ты можешь»

© Перевод с немецкого С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна.

Вступительная статья М. М. Филиппова; примечания А. А. Тахо-Годи, 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Предисловие

Начало XVIII столетия стало периодом интенсивного развития как в промышленности, так и в интеллектуальном отношении для города Кенигсберга – родины Иммануила Канта.

Польское владычество с его постоянными неурядицами, с преобладанием земледельческих интересов и отсутствием сколько-нибудь значительных промышленных центров мало способствовало развитию среднего сословия. С тех пор, однако, как великий курфюрст утвердил господство Бранденбурга над южным берегом Балтийского моря, торговое значение Кенигсберга быстро возросло. Кенигсберг стал главным пунктом сношений между земледельческой Польшей и торговыми странами Запада – Голландией и Англией. Вместе с торговлей развились и ремесла, занесенные сюда главным образом выходцами из Германии. Город стал принимать все более и более немецкое обличье, улицы получили немецкие названия, протестантские кирпичи заняли место костелов.

Кроме выходцев из Германии, в Кенигсберге было много иностранцев разных национальностей – шведов, англичан, шотландцев, голландцев. К числу таких иностранцев принадлежал и дед Канта. В конце XVII века политические и религиозные притеснения вызвали усиленную эмиграцию из Шотландии. Неизвестно, какие причины побудили деда великого философа поселиться в Тильзите. Еще отец Канта, Иоганн Георг, считал себя шотландцем и писал свою фамилию по-шотландски (Cant вместо Kant). Так подписывался первоначально и сам философ, но, заметив, что некоторые немцы произносят его фамилию неправильно (Цант вместо Кант), усвоил немецкую орфографию.

Шотландское происхождение представляет некоторый интерес в том отношении, что сближает Канта по крови с философом, наиболее родственным ему по духу, – Юмом. Не следует, однако, забывать, что по матери Кант был чисто немецкого происхождения – мать его в девичестве носила фамилию Рейтер. Среда, в которой воспитывался Кант, состояла почти исключительно из мелких немецких бюргеров, купцов и ремесленников. С английскими купцами, принадлежавшими к составу лучшего кенигсбергского общества, Кант сблизился уже в зрелых летах. Отец Канта был по ремеслу седельным мастером и жил в так называемом Седельном переулке, возле Зеленого моста, центра речной торговли Кенигсберга. В скромном домике, на котором красовалась вывеска его отца, 22 апреля 1724 года родился Иммануил Кант. Из одиннадцати братьев и сестер он был четвертым; у него было три брата и семь сестер. Шестеро из одиннадцати умерли в раннем детстве. Единственный оставшийся в живых брат Канта был на одиннадцать лет моложе философа, отличался хорошими, но далеко не гениальными способностями, изучал богословие, историю и филологию, к философии питал мало склонности и никогда не мог понять умозрений своего брата.

О родителях Канта известно немного, и притом главным образом лишь со слов самого Канта. В начале XVIII века в Кенигсберге, как и во многих городах северной Пруссии, был значительно распространен пиетизм, созерцательное религиозное настроение, представлявшее резкий контраст с проникнутым канцелярскими началами правоверным протестантизмом. При умеренно мистическом направлении пиетизм имел по преимуществу моральный характер и господствовал главным образом среди ремесленников и низшего духовенства. Как и во всяком религиозном сектантстве, в пиетистическом направлении был немалый элемент ханжества. Но той скромной среде, в которой вращался Кант, это ханжество было совершенно чуждо.

Влияние пиетизма прежде всего отразилось на чисто внешних сторонах его домашней обстановки. По словам самого Канта, он никогда не слышал от своих родителей ничего неприличного и не видел ничего недостойного.

Кант походил на мать характером и телосложением: от нее он унаследовал впалую слабую грудь. С раннего детства Кант отличался слабым здоровьем. Мать нежно любила хилого ребенка, холила его и много занималась его воспитанием. Мальчик обнаружил острую наблюдательность и пытливость. Говорят, что мать, несмотря на свое ограниченное образование, значительно развивала его пытливость. Гуляя с ним, она постоянно обращала внимание сына на окружающую природу, поясняя свои слова цитатами из псалмов и других мест Библии, в которых восхваляется благость и премудрость Творца. Таким образом, то доказательство бытия Божия, которое известно под названием физико-теологического и которое Кант ценил даже после того, как отверг его, было ему известно в наивной и простодушной форме еще в младенческие годы. С ним связывались для Канта лучшие воспоминания детства, оно вызывало в его памяти первые уроки матери. Все это чрезвычайно важно в психологическом отношении. Любопытно, что и нравственное учение Канта имеет несомненную психологическую связь с первыми впечатлениями его детства. Связь эту открыто признавал сам философ. На семьдесят четвертом году жизни он писал епископу Линдблему, что может относительно своего генеалогического дерева похвастать лишь одним, а именно: что и отец, и мать его были ремесленники, отличавшиеся честностью, нравственной пристойностью и образцовой порядочностью, не имея состояния, но зато и долгов, «и дали воспитание, которое с моральной точки зрения не могло быть лучшим». По словам Канта, каждый раз, когда он вспоминал о том, чем обязан родителям с нравственной стороны, он чувствовал себя преисполненным трогательной благодарностью.

О ранней юности Канта известно немного. Слабость здоровья, природная робость и значительная рассеянность препятствовали успешности его занятий, а между тем не все учителя умели видеть способности под оболочкой застенчивости. Дисциплина в школе отличалась суровостью, и нельзя сказать, чтобы Кант впоследствии одобрял дух, господствовавший там. Еще о начальной школе он отзывался в довольно неодобрительных выражениях. По его словам, большинство учителей отличалось сердитым нравом и чрезмерной строгостью; тем не менее в начальной школе дисциплина соблюдалась лишь у одного учителя, болезненного и весьма неказистой наружности, но любимого учениками за его знания и преподавательские способности. Немногим лучше было в коллегии, где Кант учился в течение семи лет.

По словам одного из школьных товарищей, в школе Кант не обнаруживал ни малейшей склонности к философии, и никому даже не могло прийти в голову, что из него «выйдет философ». Отчасти это следует отнести на счет учителей, преподававших логику и другие близкие к философии предметы по схоластическому методу. Но, помимо этого, о Канте следует сказать, что ум его, как и ум Ньютона, развился сравнительно поздно. В нем не было признаков той ранней гениальности, которою отличались, например, Лейбниц и Паскаль. Если не считать так называемой «гениальной рассеянности», которою Кант, подобно Ньютону, отличался с детства, трудно указать признаки, которые характеризовали бы его в ранней юности как будущего реформатора философии. О рассеянности Канта сложилось немало анекдотов, из которых достаточно привести один. Еще в начальной школе он часто терпел от учителей за то, что являлся без книг, о чем обыкновенно вспоминал лишь в тот момент, когда входил в класс. Однажды он вывел учителя из себя заявлением, что он раньше забыл, куда положил книгу, но вспомнил об этом как раз в момент, когда его об этом спросили; учитель, конечно, не поверил и приписал это нежеланию учиться.

Весьма рано обнаружилась у Канта характеризовавшая его способность побеждать свои душевные волнения. В детстве Кант, как и большая часть детей хилых, слабогрудых и малокровных, не отличался особенной храбростью. Но в минуту действительной опасности он сумел обнаружить удивительное присутствие духа. Восьмилетним мальчиком он однажды вздумал перейти через глубокую канаву с водою по перекинутому бревну. Не успел он пройти несколько шагов, как голова его закружилась. Он хотел вернуться назад, но бревно закачалось

и готово было совсем скатиться. Тогда маленький Кант сделал над собою усилие и, стараясь не смотреть вниз, устремил глаза на одну точку по ту сторону канавы; смотря пристально и не поддаваясь чувству страха, он благополучно переправился на ту сторону.

Победив в себе природную робость, зависевшую от деликатности его нервной организации, Кант не сумел в такой же степени отделаться от застенчивости. Это его качество изгладилось лишь в самых зрелых годах, перейдя постепенно в скромность, отличавшую Канта даже в то время, когда он был наверху своей славы.

Исключая знание латинского языка и моральное влияние богословских поучений духовника матери Канта, доктора Шульца, средняя школа ничего не дала Канту и, быть может, даже задержала развитие его гения. Значительно благотворнее повлиял на него университет. В то время Кенигсбергский университет еще не был, как значительно позднее, «приютом для прусских лейтенантов». Здесь находились крупные научные силы и – что в особенности было важно для Канта, – как раз физико-математические науки, загнанные и униженные в коллегии Фридриха, здесь находились в большом почете. Из профессоров, оказавших особое влияние на Канта, необходимо указать на Мартина Кнутцена, читавшего философию и математику.

Университетская карьера Канта находится в тесной связи с его семейными обстоятельствами. Еще до вступления в университет (на тринадцатом году жизни) Кант потерял мать.

После смерти матери Канта дела отца сильно запутались, и если бы не дядя по матери, ремесленник Рихтер, Кант не имел бы средств для поступления в университет. Исполняя завет матери, Кант записался первоначально на богословский факультет и весьма усердно посещал лекции некоторых богословов. Без всякого сомнения, он в начале своего студенческого поприща серьезно и добросовестно готовился к священническому званию и лишь постепенно пришел к убеждению, что не чувствует призвания к этого рода деятельности. Помимо прочего, чтение пробных проповедей убедило Канта, что его голос слишком слаб для проповедника.

Само собою разумеется, что посещение богословских лекций и штудирование своих записок по богословию занимало лишь часть времени Канта. Кроме лекций Кнутцена по математике и философии, он с увлечением следил за лекциями Теске по физике. Изучение физико-математических наук дало умственной деятельности Канта совершенно новое направление.

Кант провел на студенческой скамье пять лет (1740-1745) – срок, который считался нормальным для студента со средними способностями. Таким образом, даже в университете Кант не успел ничем проявить своих особенных дарований и философской глубины мысли. Случай для этого представился вскоре по окончании им университетского курса.

Во время пребывания Канта на студенческой скамье материальные обстоятельства его были весьма плохи. За ничтожную плату преподавал он математику и другие предметы. Чаще всего он занимался с богатыми товарищами, репетируя с ними затруднявшие их лекции.

24 марта 1746 года умер отец Канта. Это новое семейное горе глубоко опечалило его. Сам Кант вписал это событие, по протестантскому обычаю, в семейную Библию, причем заметил между прочим, что на долю его отца выпало немного радостей в жизни.

После смерти отца материальное положение Канта, только что окончившего университетский курс, стало почти отчаянным. По счастью, его двоюродный дядя по матери, честный башмачник Рихтер, оказывавший поддержку Канту, когда тот был еще студентом, и теперь взялся поддержать первые шаги молодого ученого. Немецкие ремесленные классы могут со справедливою гордостью указать на то, что первое печатное произведение величайшего философа Германии было издано на свой страх и риск простым башмачником, сумевшим оценить в племяннике способного и подающего надежды человека. Первым появившимся в печати сочинением Канта была напечатанная за счет Рихтера брошюра «Мысли об истинной оценке живых сил в природе».

Сочинение это любопытно лишь с чисто исторической и биографической точек зрения, как первая проба пера гениального философа. Впрочем, в нем нет недостатка в отдельных

весьма метких и глубоких замечаниях. Здесь уже видна первая попытка решить вопрос о природе пространства. Кант замечает, что трехмерность и другие свойства пространства зависят, быть может, от «особого способа представления, свойственного нашей душе». Кант говорит здесь, что постарается в будущем возвратиться к обсуждению этого вопроса.

Таким образом, в первом произведении Канта уже слегка намечен вопрос о необходимых границах познания. Сама постановка этого вопроса на научной почве была совершенно чужда и богословскому догматизму, и метафизическому рационализму. Для богослова границей разума была вера; метафизик считал область познания безграничной. Надо было поставить вопрос: не может ли разум исследовать свои собственные границы? В постановке и решении этого вопроса состоит главная заслуга критической философии Канта.

Стесненные материальные обстоятельства побудили Канта искать средства к жизни. За неимением ничего лучшего он занялся домашним учительством и в течение девяти лет преподавал в разных частных домах.

В 1755 году Канту удалось, наконец, получить кафедру при Кенигсбергском университете. 12 июня он представил на магистерскую степень латинское сочинение «Об огне». Бывший учитель Канта, профессор физики Теске, прочитав этот трактат, сказал: «Это сочинение выше всяких похвал; я сам научился кое-чему отсюда». Факультет единогласно провозгласил Канта магистром словесности (*magister artium*). Несколько позже, 27 сентября того же года, Кант представил другое сочинение – «О принципах метафизического познания», которое защищал публично, после чего получил кафедру философии в качестве приват-доцента. Королевский указ 1749 года предписал, однако, чтобы каждый занимающий кафедру диспутировал публично не менее трех раз. Ввиду этого Кант защищал еще раз, в апреле 1756 года, сочинение «О физической монадологии».

Две из названных диссертаций Канта, а именно «Об огне» и «О физической монадологии», находятся в тесной связи с упомянутым уже юношеским трактатом об измерении сил. Во всех физических трактатах Канта нельзя не видеть одной общей идеи, а именно идеи динамизма. Кант утверждает, что сцепление и упругость тел зависят от той же упругой материи, которая является причиной теплоты и огня (горения). «Волнообразное движение этой материи, – пишет Кант, – и есть то, что получило название теплоты. Материя теплоты есть не что иное, как эфир, иначе называемый материей света». Этот эфир наполняет все промежутки или поры между частицами материи, которые своим взаимным притяжением сжимают эфир, между ними находящийся.

Несмотря на то что Кант успел обратить на себя внимание университета, академическая карьера его подвигалась необыкновенно туго. В течение пятнадцати лет он вынужден был оставаться приват-доцентом. Различные обстоятельства послужили для него серьезной помехой. Еще в 1751 году умер любимый профессор Канта, Кнутцен, и после смерти его кафедра логики и метафизики в течение долгого времени оставалась незанятой. В 1755 году Кант начал в зимнем семестре ряд академических чтений по математике и физике.

Лекции Канта имели значительный успех. Кант пытался обратиться к прусскому правительству с целью добыть экстраординарную профессию. Но как раз в это время началась Семилетняя война, и правительству было не до раздачи кафедр. Прошение Канта было оставлено, выражаясь канцелярским языком, без последствий.

Лишь в 1770 году Кант, наконец, добился давно желанной цели. Еще в ноябре предшествующего года он получил приглашение на ординарную кафедру в Эрланген; в январе 1770 года его звали в Йену. Кант собирался уехать в Эрланген, но вскоре в самом Кенигсберге открылась вакансия на ту самую кафедру, которой он напрасно добивался в эпоху прусского господства: его прежний конкурент Букк предпочел занять кафедру математики и уступил место Канту.

20 августа 1770 года был знаменательный день в жизни Канта. Канту было уже сорок шесть лет; тем не менее публичная защита сочинения, представленного им для получения профессорской кафедры, возбудила в нем юношеский пыл. Сочинение это было озаглавлено «О форме и принципах чувственного и умственного мира». 1770 год во всех отношениях может считаться поворотным в жизни Канта. Перед ним открылось обширное поприще деятельности; и как раз в это время в уме Канта вырабатывались во вполне законченной форме начала его критической философии.

По отзывам лиц, близко знавших Канта, он был в первые двадцать или двадцать пять лет своей профессорской деятельности превосходным лектором.

Он вел лекцию так, как будто искал истину, одинаково неизвестную его слушателям и ему самому. Сначала Кант как будто делал попытки дать определение, причем получал лишь первую грубую формулу; затем он постепенно исправлял ее, пока, наконец, не получалось вполне строгое и научное определение.

Единственным недостатком Канта как лектора был его слабый голос. Зная это, слушатели сидели на его лекциях, не шевелясь, стараясь не проронить ни слова и не шаркая ногами (по странному немецкому обычаю) при появлении запаздывающих. Да редко кто и запаздывал на лекции Канта. Кант никогда не искал дешевой популярности и не любил пересыпать лекции не идущими к делу шуточками. Но он был по природе остроумен. Его шутку сравнивали с молнией, и такие блестящие часто развлекали слушателей, возбуждая дружный смех, нарушавший обычное почтительное молчание.

Кант внушал своим слушателям необычайное уважение. К нему нельзя было применить поговорку: «Никто не пророк в своем отечестве». Студенты обожали Канта и открыто выражали это при всяком удобном случае.

Содержание лекций Канта было необычайно разнообразно. В общем они являлись комментарием и популярным изложением взглядов, развитых в его главных сочинениях. Вполне уместно поэтому перейти к обозрению литературной деятельности Канта.

Немецкие историки философии, например Ибервег и Куно Фишер, подразделяют обыкновенно литературную деятельность Канта на два главных периода: докритический и критический. Куно Фишер, особенно подробно изучивший историю развития философской системы Канта, видит в ней следующие периоды: предварительный (натурфилософский), когда Кант стоял еще на рационалистической точке зрения; затем эмпирический, вызванный влиянием Юма и вообще шотландской и английской философии; наконец, критический, когда Кант окончательно вступил на самостоятельный путь.

Такое подразделение на периоды представляет удобства для изложения, но при этом не следует забывать, что самостоятельное отношение Канта к господствовавшим до него философским школам обнаруживается во всех его сочинениях, начиная с самого раннего труда об измерении сил. Ходячая метафизика никогда не удовлетворяла его, что видно уже из сочинения Канта о физической монадологии, которую он противопоставил системе Лейбница.

Точно так же самостоятельно отнесся Кант и к различным научным теориям и почти в самом начале своего профессорского поприща построил гениальную космогонию (то есть учение об образовании Солнечной и других систем).

Кант изложил свои космогонические взгляды в сочинении, озаглавленном «Всеобщая естественная история и теория неба». Работа эта принадлежит к числу самых ранних произведений Канта. По некоторым данным можно утверждать, что план этого сочинения был задуман Кантом еще в то время, когда он писал об измерении действия сил.

Кант сознавал трудность своей задачи. Ньютон открыл основной закон, позволяющий объяснить движения планет, и поэтому был основателем небесной механики; но он не задавался вопросом о *происхождении* Солнечной системы и принимал ее просто за данную величину. Не видя принципа, позволяющего объяснить те или иные отношения между массами и

расстояниями планет, Ньютон утверждал, что эти отношения даны самим Божеством. Здесь начиналась задача Канта. Одна мысль о механической космогонии, о естественном объяснении происхождения Солнечной системы казалась в эпоху Канта чуть ли не еретическим посягательством на тайны Провидения. «Я вижу все трудности, – заявляет сам Кант, – но не впадаю в малодушие. Я чувствую всю силу препятствий, но не робею. Я предпринял опасное путешествие, руководствуясь слабой догадкой, но вижу уже предгорья новых стран».

Кант разбирает космогонии древних и новых философов и доказывает их несостоятельность. Эпикур выводит мироздание из случая; но говорить о «случайности» – значит просто указывать на недостаток знания о причинах события. Декарт не мог достичь ничего, потому что признавал лишь отталкивание и не знал о притяжении. «Теперь, – говорит Кант, исходя из начал Ньютона, – можно смело сказать: дайте мне материю, и я построю вам из нее целый мир».

Передавать содержание учения Канта мы не станем: оно излагается во всех учебниках физической астрономии. Напомним только, что сущность гипотезы Канта состоит в образовании систем, подобных Солнечной, из туманного вещества; причем происходит сгущение материи и рассеивание теплоты, образуется центральное светящееся тело, выделяющее кольца, из которых потом образуются планеты с их спутниками, и так далее.

Чтобы показать остроумие Канта в деле объяснения фактов и составления гипотез, достаточно одного примера. Одним из лучших доводов в пользу его теории был бы факт одинаковости состава Солнца и планет. «Если все планеты произошли из солнечной материи, – говорит Кант, – то следует полагать, что плотность Солнца приблизительно равна средней плотности всех планет, взятых вместе».

К тому же к так называемому докритическому периоду литературной деятельности Канта относятся сочинения «Об оптимизме» (1759) и «О мистицизме» (статьи 1763–1766 гг.). Небольшая статья Канта «Об оптимизме» представляет весьма малый философский интерес, но зато важна в биографическом отношении. В своих позднейших философских умозрениях Кант значительно уклоняется от оптимизма лейбнице-вольфовской школы; в рассматриваемом трактате он, наоборот, является учеником Лейбница. Было бы поэтому крайне несправедливо и неосновательно считать трактат об оптимизме окончательным выражением идей Канта о человеческом счастье.

В опыте «Об оптимизме» Кант стоит на совершенно метафизической почве, чем и объясняется позднейшее его отвращение к этому сочинению. Кант развивает идеи Лейбница о наилучшем из миров, только ход его доказательств несколько иной, чем у Лейбница. По словам Канта, Божество должно обладать идеей совершеннейшего мира. Утверждать противное – значит допускать, что существует еще лучший мир, чем все миры, мыслимые Творцом. Но раз мы допустим, что Божество представляет себе наилучший мир, то нельзя допустить, чтобы оно предпочло худшее лучшему, и благодать Творца противоречит утверждению, что Божество создало мир по произволу. Стало быть, Божество создало наилучший из возможных миров.

Но как примирить этот взгляд с эмпирическими данными, доказывающими, что в мире много несовершенства, несчастья и зла? Кант полагает, что нашел истинное опровержение, указывая на мир как на целое и утверждая, что благо целого является целью Творца, хотя бы оно было несовместимо с благом отдельных частей.

Нечего и говорить, что вся эта теория основана на ряде метафизических гипотез. Мы ничего не можем знать ни о представлениях Божества, ни о свойствах Божественной воли, ни о целях творческой силы. Что касается мира как целого, это совершенно условное и произвольное понятие. Мир тем шире для человека, чем обширнее его знания и чем глубже и сильнее его чувства. Если же под миром как целым подразумевать мир трансцендентный, стоящий вне сознания человека и вообще всех мыслящих существ, то об этом мире мы ровно ничего не можем знать. Все эти истины впоследствии были установлены самим Кантом, а вместе с тем рухнуло и основание его прежней оптимистической доктрины.

Мы уже выяснили, что философское мировоззрение Канта выработалось в окончательном виде в течение 1762–1765 годов. Трактат «Об оптимизме» был последней данью, принесенной Кантом догматической философии. В сочинении «Об отрицательных величинах и о реальном основании» (1763) Кант занимает среднее положение между эмпиризмом и рационализмом; в «Сновидениях духовидца» (1766) он приближается к скептицизму Юма, а два года спустя (1768) пишет небольшой трактат «О первом основании различия областей в пространстве», особенно замечательный тем, что он представляет собою переход от эмпиризма к критицизму.

Кант задается здесь вопросом: что такое пространство и чем обуславливаются его свойства? Не могут же наглядные суждения (интуиции), какие содержатся в геометрии, дать очевидное доказательство того, что «абсолютное пространство имеет реальность независимо от существования всякой материи».

Постановка этого вопроса важна в том отношении, что указывает, каким путем Кант постепенно пришел к мысли, что пространство вовсе не имеет «своей собственной реальности», но является лишь «формой» нашей чувственности.

Пространственные отношения вещей сводятся к их положению. Вещи в пространстве находятся между собою в известных расстояниях, и каждая вещь занимает свое место. Взаимные отношения положений Кант называет *областями*. Понятие области включает в себе не только расстояние, но и направление. Объясним это примером: две точки находятся между собою на расстоянии одного аршина. Если одну точку принять за данную, то положение другой еще не определено: она может находиться в любом месте поверхности шара, радиус которого равен одному аршину, а центр находится в первой точке. Надо еще знать, каково направление радиуса, тогда другая точка будет вполне определена. Но направление можно задать лишь по отношению к какому-либо другому радиусу, принятому за данную величину. В конце концов, оказывается, что необходимо принять некоторое постоянное направление, но постоянным оно может считаться лишь относительно наблюдателя.

Кант дает еще более простой пример. Напишем на листе бумаги два раза одно и то же слово, например человек, человек.

Буквы одни и те же, порядок их расположения тот же, но одно слово напечатано справа, другое – слева. Говоря «справа», «слева», мы относим положение букв к наблюдателю. Если бы свойства пространства зависели исключительно от взаимных отношений между частями объектов, мы не могли бы различить два предмета, отличающихся между собою лишь тем, что один поставлен налево, другой – направо.

Любопытно, что Кант выводит из этого, что понятия «слева, справа,верху,внизу,спереди,сзади» являются выражением свойств «абсолютного пространства», и лишь после этого решается отнести их также к свойствам самого наблюдателя. При этом Кант выставляет следующие в высшей степени важные соображения, являющиеся чуть ли не лучшей попыткой объяснить *трехмерность* пространства. *Строение нашего тела определяет для нас три основные плоскости, к которым мы и относим все предметы внешнего мира.* Плоскость симметрии разделяет наше тело на правую и левую части; другая плоскость соответствует положению наших органов чувств: глаза, рот, ноздри расположены у нас спереди, чем обуславливается резкое различие между передней и задней областями; наконец, положение нашей головы делает необходимым различие между верхом и низом. Это, так сказать, физиологическое объяснение трехмерности пространства составляет первый шаг к психологическому истолкованию. Очевидно, говорит Кант, что мы воспринимаем области в пространстве лишь по отношению к нашему собственному телу. Кант допускает «особое пространственное чувство» (Raumgefühl), или чувство пространственного существования нашего тела. Он еще не решается, однако, перенести весь центр тяжести с объекта на субъект и полагает, что «абсолютное пространство» трехмерно не только по отношению к нашему телу, но и само по себе; точно так же и другие

свойства пространства объясняются не только свойствами субъекта, но и свойствами самого абсолютного пространства как своеобразного объекта, отличающегося от предметов внешних чувств и способного воздействовать лишь на специальное «пространственное чувство».

Канту оставалось сделать еще один шаг: он и был сделан в «трансцендентальной эстетике», то есть в учении об априорных формах чувственности, которое составляет важнейшую часть «Критики чистого разума».

Этот капитальнейший из всех трудов Канта появился в печати первым изданием в 1781 году; вторым, значительно измененным, – в 1787 году; позднейшие издания, вышедшие при жизни Канта, не отличаются от второго, которое Кант считал, следовательно, окончательным выражением своих взглядов. Со времени Шопенгауэра в немецкой литературе не утихают споры о сравнительном достоинстве этих двух изданий. Шопенгауэр провозгласил, что второе издание есть искажение первого; его мнение разделяется и теперь многими идеалистами, которые не могут простить Канту того, что во втором издании он напечатал подробное опровержение идеалистических учений. Если самого Канта называют идеалистом и если он сам не вполне отрекся от этого имени, то необходимо помнить, что идеализм Канта совершенно особого рода. Это идеализм критический, или *трансцендентальный*. Под словом *трансцендентальный* – и это необходимо твердо помнить – Кант *подразумевает не то, что стоит выше опыта, а то, что предшествует опыту как его необходимое условие и что без последующего за ним опыта лишено всякого содержания, а стало быть, и всякого смысла*. Из этого видно, что идеализм Канта гораздо более родствен с философским реализмом, чем с идеалистическими системами вроде картезианства, не говоря уже об учении Беркли. То, что стоит выше и вне всякого опыта, Кант называл не трансцендентальным, а *трансцендентным* и резко осуждал всякие теоретические экскурсы в эту область, признавая ее значение единственно в вопросах нравственных или практических.

В 1770 году, как мы уже знаем, Кант после многолетнего ожидания получил кафедру логики и метафизики и 20 августа этого года защищал вступительную диссертацию «О форме и принципах чувственного и постигаемого (*intelligibeln*) мира». Неделью спустя Кант, посылая экземпляр этой диссертации Ламберту, писал ему: «Около года уже я лыщу себя мыслью, что достиг того понятия, которое никогда вовне не изменится, но, конечно, расширится и которое позволяет испытывать все метафизические вопросы по совершенно верным и легким мерилам, причем можно с полной уверенностью сказать, насколько эти вопросы разрешимы или нет».

Таким образом, со слов самого Канта ясно, что в 1769 году он окончательно вступил на путь критической философии. Это нимало не противоречит мнению, что такой путь подготовлялся в уме Канта постепенно еще с 1763 года, не считая более ранних отдельных проблесков критического направления. Для истории развития идей Канта особенное значение представляют письма, адресованные им в течение 1770–1781 годов одному из любимейших своих учеников, Марку Герцу. Этот самый Герц был оппонентом Канта на диспуте 1770 года, затем уехал в Берлин, где вступил в близкие отношения с известным еврейским реформатором Мендельсоном. Впоследствии Герц стал выдающимся врачом и приобрел также известность своими философскими работами. В 1779 году он женился на дочери португальско-еврейского врача, Генриетте, которая славилась во всем Берлине столько же умом и образованием, сколько красотой; ее дом стал сборным пунктом берлинских философов и ученых.

Кант постоянно сообщал Герцу о плане капитального философского труда, задуманного им в 1770 году, вскоре после защиты диссертации. В одном из первых писем Кант сообщает, что намерен написать сочинение под заглавием «О границах чувственности и разума». По словам Канта, чрезвычайно важно не только для философов, но и для всех вообще важнейших человеческих целей провести различие между тем, что относится к природе нашей познавательной способности, и тем, что относится к *природе предметов*; необходимо также знать, что основано на субъективных принципах человеческих душевных сил, исходящих не только из

чувственности, но также из рассудка. В письме от 1772 года Кант пишет: «В течение долгого времени мне недоставало еще кое-чего существенного, что на самом деле является ключом ко всем тайнам метафизики, которая до сих пор сама себя не понимала. Я спросил себя: на чем основано отношение представления к предмету?»

Прежние философы прибегали для решения этого вопроса к разным сверхъестественным началам. Платон и Мальбранш допускали какое-то наитие или откровение свыше, Лейбниц сочинил предустановленную гармонию.

«Но, – пишет Кант, – допускать, что *Deus ex machina* определяет происхождение и значение наших познаний, – это нелепейшее из предположений, какое только можно избрать». «Теперь, – пишет Кант, – я в состоянии изложить критику *чистого* разума». Кант полагал, что окончит весь труд, включая критику *практического* разума, в течение «примерно трех месяцев».

На самом деле Канту вместо трех месяцев понадобилось девять лет на исполнение лишь одной из намеченных им задач – на создание критики теоретического разума. Не следует думать, что Кант писал и переделывал написанное: работа происходила в его голове. В своих письмах 1777–1778 годов Кант жалуется на состояние своего здоровья. В 1778 году он пишет, что с некоторого времени привык считать здоровьем весьма относительное благосостояние, которое многие почли бы болезнью. По возможности он щадил свои силы и старался отдохнуть. Лишь в 1780 году Кант вновь усиленно принимается за работу. 1 мая следующего года он пишет Герцу, что вскоре издатель Гарткнох напечатает написанную им, наконец, книгу «Критика чистого разума». По первоначальному плану Канта предполагалась брошюра в несколько печатных листов; девять лет размышления довели ее до размера объемистого тома в 856 страниц (по первому изданию). В одном из писем к Мендельсону Кант говорит, что он обдумывал свое сочинение «по меньшей мере, в течение 12 лет», и действительно, 1769 год был, как мы знаем, решительным поворотным пунктом. Но написана была вся книга, по словам самого Канта, «в какие-нибудь 4–5 месяцев, как бы наскоро, правда, с величайшим вниманием к содержанию, но с малым прилежанием относительно изложения и доступности для читателя». Не подлежащее никакому сомнению заявление Канта, что книга была написана в течение пяти месяцев, показывает, что он писал, когда идеи окончательно созрели в его уме. В противном случае даже такой умственный колосс не мог бы справиться с задачей написать более десяти печатных листов в месяц, особенно принимая во внимание необычайную трудность и отвлеченность предмета. Поразительная поспешность окончательной работы отразилась, конечно, на слоге: в «Критике чистого разума» нет той ясности и простоты, какую мы найдем в последних произведениях Канта. Кант признавал этот недостаток своего главного труда; но он не искал легкой популярности. «Немногие так счастливы, – писал он Мендельсону, – чтобы думать в одно и то же время и за себя, и за других... Есть только *один* Мендельсон».

Окончательная работа была исполнена Кантом в конце 1780 года. Временем появления «Критики чистого разума» следует считать лишь июль 1781 года.

Интересно впечатление, вынесенное первым читателем Канта – Гаманном. «Такая объемистая книга, – писал он Гердеру, – не соответствует ни росту автора (мы знаем, что Кант был мал ростом), ни понятию чистого разума, который противопоставляется им гнилому – моему разуму». Затем Гаманн аттестует Канта «прусским Юмом».

Насколько сам Кант признавал, что его труд не отличается общедоступностью, видно главным образом из того, что он сам взялся написать популярную переделку, нечто среднее между комментарием и кратким изложением. Таким образом в 1782 году появилась книга, озаглавленная «Предисловие ко всякой будущей метафизике, которая будет в состоянии выступить как наука».

Появление этого сочинения было вполне своевременным. Оно на первых же порах должно было устранить недоразумения, вызванные непониманием «Критики чистого разума».

Всего нелепее, конечно, то мнение, которое при помощи искусственных натяжек и явных подтасовок пытается превратить систему Канта в род *мистической* философии. Ничто не было более чуждо натуре Канта, чем всякого рода «таинственность и вдохновенность свыше», одним словом, все, из чего складывается мистическое мирозерцание. В беседе с Яхманном Кант однажды сказал вполне категорически:

«В моих сочинениях напрасно ищут каких бы то ни было следов мистицизма. *Ни одно мое слово, ни одно выражение не может и не должно быть истолковываемо в мистическом смысле*». Но и без этого автобиографического показания смысл учения Канта вполне ясен для всех, кто способен уразуметь его.

В «Критике чистого разума» и в своих «Prolegomena» Кант исследовал исключительно одну область разума, которую он называл теоретической. В течение пяти лет, с 1785 по 1790 год, Кант написал ряд крупных произведений, которые, взятые в совокупности, образуют полную систему чистого разума, или систему критической философии. В «Метафизических основаниях естествознания» Кант указал философские основы механики, физики и других естественных наук; в «Метафизике нравов» и «Критике практического разума» (1788) исследованы основные вопросы этики, в «Критике силы суждения» (1790) положены основания эстетики и разобраны телеологические вопросы.

В конце своей философской деятельности Кант обратился к вопросам религии. В 1793 году он издал сочинение, озаглавленное «Религия в границах чистого разума»; последним его трудом был «Спор между факультетами» (1798). В предисловии к этому последнему сочинению сам Кант изложил историю гонений, возбужденных против него придворными ханжами, во главе которых был новый прусский министр Вёлльнер.

При Фридрихе Великом никому не пришло бы в голову преследовать Канта. Фридрих-Вильгельм II был монарх совсем другого рода, слабохарактерный, способный подчиняться всяким влияниям, особенно дурным. В первые годы своего правления он благоволил к Канту. В 1786 году он прибыл в Кенигсберг для коронации, и Кант, бывший в то время ректором университета, должен был встретить короля приветственной речью. Король благодарил и в своем ответе упомянул о философских заслугах Канта. Но склонность короля к мистицизму делала из него скорее поклонника Сен-Жермена или Калиостро, чем почитателя Канта. Духовидцы и прорицатели, гадатели и маги были тогда в моде; эта мода вполне соответствовала духу политической и церковной реакции, которая стала свирепствовать с удвоенной силой, когда во Франции вспыхнула революция, грозившая подорвать монархический принцип во всей Западной Европе. Во всех немецких землях принимались чрезвычайные меры для предохранения добродушных немцев от якобинской заразы.

Насколько изменились времена, видно из следующего. В 1781 году Кант посвятил свою «Критику чистого разума» прусскому государственному министру фон Цедлицу, одному из своих ревностных почитателей. Этот Цедлиц доставал тетрадки с записанными лекциями Канта и писал последнему, что, находясь за сотни верст, считает себя в числе его слушателей. Через два года по восшествии на престол Фридриха-Вильгельма II министерство Цедлица пало, и место Цедлица занял честолюбивый богослов, бывший проповедник Вёлльнер, обскурант в полном смысле этого слова. Его поддерживали многие придворные, особенно королевский генерал-адъютант, известный ханжа фон Бишофсвердер. Не успел новый министр взять в руки бразды правления, как начались всякого рода стеснения свободы печати, свободы преподавания, даже свободы проповеди. 9 июля 1788 года, в то время когда Кант работал над своей «Критикой практического разума», Вёлльнер издал пресловутый религиозный эдикт, в котором всем учителям и священникам было повелено строго держаться официального катехизиса. Всякое уклонение от буквы правоверного протестантизма влекло за собою потерю должности и другие кары. 19 декабря того же 1788 года была отменена свобода печати. Внутренняя печать была подчинена предварительной цензуре, иностранные книги стали подвергаться строжай-

шему пересмотру. Это произошло накануне Французской революции. Два года спустя были придуманы еще более суровые меры: учрежден особый комитет из трех советников оберконсистории, надзиравший за печатью, церковью и школой. Триумвират этот состоял из Гермеса, Вольтерсдорфа и Гилльмера, людей честолюбивых, грубых и невежественных. Им были предоставлены широчайшие полномочия относительно всех церковных и школьных должностей, все кандидаты на учительские и проповеднические кафедры подвергались в этом комитете особому экзамену с целью удостовериться в их совершенной благонадежности. Триумвиры объезжали провинции, указывали метод преподавания и учебники, которые писали сами или поручали писать людям особо благонадежным. Все подозрительные люди провозглашались врагами религии, атеистами, якобинцами и демократами; даже слово «просветитель» стало бранной кличкой в устах этих обскурантов. Одним словом, это была своего рода инквизиция.

В то время философия Канта уже получила значительное распространение в Германии; кое-где ее стали преподавать даже с кафедр. Рано или поздно реакционное течение должно было столкнуться с разрушительной критикой, посягнувшей на святыни школьной метафизики. Ведь недаром эта метафизика считалась опорой официальной религии. В самом начале царствования Фридриха-Вильгельма II один из триумвиров, Вольтерсдорф, подал королю докладную записку, в которой содержалось неслыханное в истории немецкой философии предложение: жалкий невежда требовал, чтобы первому философу Германии было вовсе запрещено писать. Это показалось неуместным даже королю и его главному министру, и в 1788 году король послал в Кенигсберг Кизеветтера с целью ближе ознакомиться с философией Канта. Быть может, прусское правительство при этой миссии руководствовалось задними мыслями, но Кизеветтер возвратился из Кенигсберга горячим поклонником Канта и дал о его учении самый лестный отзыв. 3 марта 1789 года Кант получил подписанный Вёльнером королевский декрет, в котором содержались лестные выражения по адресу философа, его жалованье было увеличено, он назван «приятным, бескорыстным, искусным и прямодушным мужем».

Но то милостивое настроение короля и Вёльнера было вскоре поколеблено. В Берлине издавался ежемесячный журнал, куда Кант прислал статью «О радикально злом начале в человеческой натуре» (1792). Кант в особом письме просил издателя, чтобы тот послал его статью берлинским цензорам, хотя издатель, Бистер, печатавший свой журнал в Йене, имел право обратиться к более снисходительной йенской цензуре. Кант, очевидно, не желал подвести издателя. По его собственным словам, он не хотел подать и вида, что занимается литературной контрабандой, избегая берлинской цензуры и высказывая так называемые смелые мнения «из-за угла», а не с открытым забралом. Статья попала в руки одного из триумвиров – Гилльмера. Этот цензор возвратил ее издателю без помарок, но с пояснением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.